

- cadastres et paysage rural. Rome, 1987. P. 203 ; *Schubert Ch.* Land und Raum in der römischen Republik. Die Kunst des Teilens. Darmstadt, 1996. S. 82–84.
- 14 Один из них, в частности, в местечке Сант'Анджело, то есть в непосредственной близости от предполагаемого местонахождения *ager Campanus* (*Dessau H.* Inscriptiones latinae selectae. Bd. I. Berlin, 1892. 24 ; *Degrassi A.* Inscriptiones latinae liberae rei publicae. Vol. I. Firenze, 1957. 467).
- 15 О. Сакки считает (*Sacchi O.* Op. cit. P. 146), что миссия гракханских триумвиров в данном регионе носила „sarattere ricognitivo“. На наш взгляд, аграрная комиссия проводила межевые работы только на тех землях, которые имели для неё практическое значение.
- 16 *Campbell B.* Op. cit. P. 417 ; *Roselaar S. T.* Public land in the Roman Republic. P. 47. Примеч. 109.
- 17 *Campbell B.* Op. cit. P. 417 ; *Roselaar S. T.* Public land in the Roman Republic. P. 47. Примеч. 109.
- 18 Liv. XXVIII. 46. 4–6.
- 19 Liv. XLII. 1. 6–7. Во время проведения инспекции Л. Постумий снял режим *occupatio* с кампанских земель (Liv. XLII. 19. 1–2).
- 20 Cic. leg. agr. II. 82 ; Gran. Licin. 28. 29–37. П. Корнелий Лентул подготовил *forma agrorum*, то есть земельный кадастр, на основе которого цензоры определили ренту для каждого пользователя (Gran. Licin. 28. 36–37 : *formatque agrorum in aes incisam ad Libertatis fixam reliquit*). К. Йогансен (*Johannsen K.* Op. cit. S. 192. Примеч. 37), впрочем, подвергает сомнению сообщение Грания Лициниана, в котором тот утверждает, что этот кадастр был актуален и во времена Суллы.
- 21 *Johannsen K.* Op. cit. S. 195–196.
- 22 Ibid. S. 197.
- 23 Suet. Div. Iul. 20 ; Cic. leg. agr. I. 20 ; II. 85.
- 24 Cic. leg. agr. II. 84 : *Totus enim ager Campanus colitur et possidetur a plebe, et a plebe optima et modestissima...* ; см. также : Cic. leg. agr. I. 20–21.
- 25 Cic. leg. agr. 2. 29. 81.
- 26 *Roselaar S. T.* Public land in the Roman Republic. P. 47–48.
- 27 Plut. Tib. et C. Gracch. 29.
- 28 Vir. ill. 65 : *... colonos etiam Capuam et Tarentum mittendos censuit*.
- 29 Колония *Scolacium Minervia* находилась на месте древнего греческого поселения *Skylletion*: *Kahrstedt U.* Ager publicus und Selbstverwaltung in Lukanien und Bruttium // *Historia*. 1959. Bd. 8. S. 185.
- 30 Vell. I. 15. 4.
- 31 Cass. XXXVIII. 7.3.
- 32 *Molthagen J.* Die Durchführung der gracchischen Agrarreform // *Historia*. Bd. 22. 1973. S. 452.
- 33 *Curreri D.* Capua e l'Ager Campanus nella legislazione agraria e colonaria di Gaio Gracco // *Epigraphica*. Vol. 33. 1971. P. 33–34 ; *Stockton D.* The Gracchi. Oxford, 1979. P. 136 ; *Hermon E.* Le Programme agraire de Caius Gracchus // *Athenaeum*. 1982. Vol. 60. P. 264 ; *Roselaar S. T.* References to Gracchan Activity in the *Liber Coloniarum* // *Historia*. 2009. Bd. 58. S. 201.
- 34 По словам Цицерона, общий объём фонда *ager Campanus* составлял приблизительно 50000 югеров. Cic. Att. 2. 16. 1 : *deinde, ut me egomet consolere, omnis exspectatio largitionis agrariae in agrum Campanum videtur esse derivata, qui ager, ut dena iugera sint, non amplius hominum quinque milia potest sustinere; reliqua omnis multitudo ab illis abalienatur necesse est*. Новейшая оценка: *Roselaar S. T.* Public land in the Roman Republic. P. 321.
- 35 Cic. leg. agr. II. 82.
- 36 Cic. Verr. II. 3. 12 ; косвенно : App. B. C. V. 4.

УДК 9(437)|14/16|+002(4)(09)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ГУМАНИСТОВ В РЕПЕРТУАРЕ ЧЕШСКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ РАННЕГО ПЕРИОДА (1468–1620 годы)

Е. Н. Многолетняя

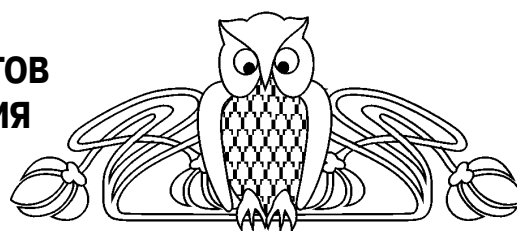
Саратовский государственный университет
E-mail: mnogolet@bk.ru

В настоящей статье рассматривается репертуар чешского книгопечатания раннего периода (1468–1620 гг.). Автор выявляет место, которое занимали в нём издания произведений европейских гуманистов, а также прослеживает их влияние на духовную жизнь Чехии. **Ключевые слова:** история Чехии, книгопечатание, типографы, репертуар чешских печатных книг, произведения гуманистов.

The Works of European Humanists in the Repertory of the Czech Book Printing in its Early Period (1468–1620)

Е. N. Mnogoletnyaya

The paper focuses on the repertory of the Czech book printing in its early period (1468–1620). The author reveals the place that was

occupied by the works of European humanists; and also traces their influence on the spiritual life of the Czech.

Key words: history of the Czech, book printing, printers, repertory of Czech book printing, works of humanists.

Репертуар печатной продукции в Чехии с момента возникновения там книгопечатания был чрезвычайно разнообразен. Отличительной его особенностью являлось значительное преобладание изданий, печатавшихся на чешском языке. Это были как оригинальные чешские сочинения, так и переведенные на чешский язык тексты. Естественно, печатались и сочинения на других языках, в частности, латинском, немецком и т. д.

Всю печатную продукцию, изданную в этот период в Чехии, можно разделить на две большие

группы: религиозную и светскую литературу. Чешское книгопечатание чутко реагировало на потребности чешского читателя, а следовательно, в печатной продукции нашли отражение различные точки зрения на социально-политические события, происходившие в стране в данный период, и на религиозные споры, которые велись в обществе. Книгопечатание не могло не отражать ведущие тенденции культурного развития Чехии, а также процесс распространения идей гуманизма среди просвещенных слоев чешского общества.

Уже в инкунабульный период (1468–1500 гг.) в репертуаре печатной продукции, издаваемой в Чехии, мы встречаем сочинения гуманистов. Так, эпистолярный жанр в первопечатных книгах представлен изданием чешского перевода (1490 г.) латинского письма итальянского гуманиста Поджо Браччолини к Леонардо Бруни¹. В этом письме Поджо, как секретарь папской курии и участник Констанцкого собора (1415 г.), писал Леонардо Бруни Аретинскому о мужественном поведении Иеронима Пражского в Констанце, о том, что Иероним воспринимался им как воплощение античного и гуманистического идеала мудрого человека, принимающего несправедливый приговор с великой нравственной силой. Поджо воздает почести представителю гусизма в той форме, которую итальянские гуманисты возвели до уровня искусства. Это письмо вошло в издание «Пассионала» (1495 г.)² на чешском языке.

В следующий период развития чешского книгопечатания (1501–1620 гг.) репертуар книжной продукции все более расширялся, появлялись новые жанры. Литература для повседневного чтения пополнялась переведенными на чешский язык сочинениями итальянских гуманистов. В число установленных нами изданий вошли три сочинения Джованни Боккаччо: «История Филиппа Бироальда о несчастной любви двух влюбленных» (1507 г.)³ и «Хроника о Симоне глупом» (1509 г.)⁴ – изданы у Микулаша Конача из Годишково; «История Флоридо и Бианчифлоры» (1519 г.)⁵ – издана в типографии Яна Шмерховского. Немного раньше, в 1501 г., были изданы «Две книги о врачевании счастья и несчастья» Франческо Петрарки. Трактат был переведен с латинского языка чешским гуманистом Ржегоржем Грубым из Елени и издан в Севериновской типографии⁶.

Огромный интерес читателей вызывали повествования о других странах. Поэтому появляются переводы из современной зарубежной гуманистической литературы. В 1541 г. Буриан Собек из Корниц перевел хронику немецкого гуманиста Яна Карриона, астролога и историка, «Книга хроник»⁷. В этом же году она была издана под названием «Книга хроник» в типографии Александра Ауездского.

Значительный вклад в популяризацию идей гуманизма в Чехии и издание сочинений европейских гуманистов внесли известные чешские типографы XVI в.

Крупнейшим пражским типографом первой четверти XVI в. был Микулаш Конач из Годишково. Он первым из чешских типографов начал издавать книги в Праге в XVI в.⁸, занимаясь при этом и литературной деятельностью, – переводил с немецкого и латинского языков⁹.

Все переводы М. Конача, произведения для которых он отбирал лично, предназначались для последующего их издания. Среди его переводов были сочинения итальянских гуманистов (Ф. Петрарки, Д. Боккаччо, Энея Сильвия Пикколомини).

О самом издателе нам известно немного. Издательскую деятельность Конач начал в 1507 г. вместе с компаньоном Яном Вольфом, богатым торговцем, владевшим домом в Праге под названием «Шмерхоф» на Старолистной площади, неподалеку от ратуши. Первая книга, которую компаньоны издали, датирована 10 января 1507 г. Это были «Семь покаянных псалмов Петрарки – знаменитого поэта, богомысленного и набожного мужа». В Праге была издана «История Филиппа Бироальда о несчастной любви»¹⁰ Джовани Боккаччо. О существовании книги мы знаем по упоминаниям в литературе, ни одного ее экземпляра не сохранилось. Приписывается она М. Коначу на том основании, что в 1509 г. он издал еще одну книгу – повесть прославленного итальянского новеллиста «Хронику о Симоне глупом» (1509)¹¹.

Крупнейшим изданием М. Конача как самостоятельного типографа стала «Чешская Хроника» итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини, выпущенная в 1510 г.¹² Примечательно, что в предисловии к своему переводу этой хроники Конач обращается к предполагаемым читателям, среди которых называются «чехи, словаки, мораване, поляки»¹³. Это, в свою очередь, может служить косвенным свидетельством путей и масштабов распространения чешской печатной продукции. В книге помещены гравированные изображения св. Вацлава, Яна Жижки и других деятелей чешской истории. Всего 39 гравюр на дереве. Изображены были и отдельные события, например, сожжение на костре Яна Гуса.

Интересным является обращение М. Конача к древнейшим притчам Бидпая, восходящим к «Пантачантре», которые он перевел на чешский язык, как считают исследователи, с латинского издания 1480 г., и издал в 1528 г.¹⁴. Этот интерес был во многом продиктован следующим обстоятельством. Издатель включил в текст сочинение итальянского гуманиста. Латинская редакция притч, сделанная Иоганном из Капуи, возникла около 1270 г. и получила название «Правило людской жизни, или приобретение древней мудрости». Именно она послужила исходным материалом для чешского перевода Конача¹⁵. Произведение имело огромное значение для чешской литературы, так как было не просто переизданием, а литературной переработкой, обращенной к чешской действительности через аллегорическую форму повествования. Вкладом М. Конача явилось

привнесение в содержание двух фацетий Поджо Браччолини. Это был первый перевод на чешский язык фацетий Поджо.

Другой крупный пражский типограф второй половины XVI в. Иржи Мелантрих из Авентина в своей печатной продукции также уделит значительное место сочинениям гуманистов. Обучаясь в Виттенбергском университете – центре ортодоксального лютеранства, будущий типограф познакомился со знаменитым немецким гуманистом Филиппом Меланхтоном¹⁶. Впоследствии важную роль в его печатной продукции занимали учебники для школ, среди которых была и Меланхтонова «Грамматика»¹⁷.

Самостоятельная издательская деятельность И. Мелантриха началась с 1553 г., и уже с 1557 г. он начинает издавать латинские гуманистические произведения.

И. Мелантрихом в этот период были изданы поэтические сборники на латинском языке. Это два сборника гуманистического направления, составленные Томаш Митис (1562 и 1570 гг.), принадлежащие авторам из окружения Богуслава Гозиштейнского из Лобковиц¹⁸.

В сотрудничестве с Сикстом из Оттерсдорфа И. Мелантрих издал цикл сочинений Эразма Роттердамского под общим названием «О приготовлении к смерти». Издание вышло дважды в 1563 и 1564 гг.¹⁹, а затем были изданы «Проповеди» Эразма Роттердамского.

Продолжателем дела И. Мелантриха стал Даниэль Адам из Велеславина, магистр Пражского университета, но, вступив в брак с дочерью И. Мелантриха, он не смог продолжить преподавание в университете. По образному выражению самого будущего издателя, он пересел «с коня на осла». Но его уход из университета «подарил» Чехии не только издателя, но и выдающегося деятеля чешской культуры XVI в. Он продолжил дело своего тестя И. Мелантриха и поднял чешское книгопечатание на новый уровень: период его деятельности позже был назван «эпохой Велеславинь». Главная заслуга Велеславина – издание исторической литературы, ее перевод (совместно с группой учеников) и дополнение предисловиями, в которых формулируются взгляды издателя, отражавшие наиболее характерные черты чешского бюргерства, приобщившегося к гуманизму.

В 1585 г. Велеславин печатает издание под названием «Две хроники об основании чешской земли» (1585 г.)²⁰.

В Чехии существовала богатая историографическая традиция, с которой Велеславин был прекрасно знаком. Ее истоки уходят к написанной в первой четверти XII в. латинской хронике Козьмы Пражского. Далее она была продолжена чешским хронистом Далимилом, автором первой чешской иллюстрированной хроники начала XIV в., латинскими хронистами периода правления императора Карла IV Франтишкем Пражским и Неплахом из Опатовиц, а также хронистами

гуситского периода Лаврентием из Бржезовой и Бартошеком из Драгонии. Велеславин знал также сочинение Энея Сильвия Пикколомини «История Чехии», написанное в 1458 г. и уже изданное в Праге в 1510 г. на чешском языке. Кроме этого перевода Велеславин изучил и два оригинальных сочинения о чешской истории, а именно – «Хронику обоснования чешской земли и первых ее жителей» Мартина Кутена из Шпринсберка (1539 г.) и «Чешскую хронику» Вацлава Гайка из Либочан (1541 г.). Первая преподносит чешскую историю с утраквистской точки зрения, а вторая – с католической.

Велеславин решил издать два произведения: подготовленный М. Коначем перевод хроники Энея Сильвия Пикколомини и хронику Мартина Кутена. Вероятно, при основательном прочтении первой хроники Велеславин пришел к выводу о том, что книгу нельзя печатать в оригинальном виде. Подготовленный М. Коначем в начале XVI в. перевод хроники итальянского гуманиста уже не отвечал требованиям грамматики чешского языка конца XVI в. Об этом сам издатель пишет в предисловии к изданию: «это был старый чешский язык, от которого мы теперь сильно отвыкли»²¹. Для того чтобы хроника была понятна широкому кругу читателей, Велеславин сам перевел ее заново и приложил к ней хронику Мартина Кутена. Основанием к совместному изданию этих хроник было для Велеславина то, что хроника Энея Сильвия «последовательна, разумна, изящна», повествует о событиях чешской истории без приведения точных датировок, в то время как хроника Мартина Кутена события датирует. Этим сочинения дополняют друг друга. Велеславин, как Козьма Пражский и некоторые другие хронисты, полагал, что без хронологии история является лишь рассуждением²². Исследователи задавались вопросом: каково идейное содержание этого издания, состоящего из двух сочинений, написанных авторами с противоположными взглядами? На этот вопрос пытались ответить многие чешские историки²³. Можно согласиться с мнением М. Копецкого о том, что Велеславин хотел этим уменьшить негативное влияние «Хроники» Энея Сильвия на чешских читателей, поскольку автор дает искаженную картину великого периода чешской истории²⁴. Кроме того, Велеславин полемизирует с Энеем Сильвием в заметках на полях страницы. Так, издатель критически комментирует осуждение автором Гуса и Иеронима Пражского, и таких издательских замечаний много.

Систематическая критика труда Энея Сильвия Пикколомини содержится в предисловии к изданию. Здесь дана развернутая характеристика современных автору исторических сочинений Кутена, Гайка, Дубравиуса и, наконец, Энея Сильвия²⁵. В предисловии Велеславин обосновывает свою точку зрения по вопросу их исторической достоверности. Его полемика ведется не только с позиций патриота, но также с позиций учено-

го-гуманиста. Это предисловие представляется важнейшей исторической работой Велеславина, оно отличается от всех других его аналогичных сочинений. В предисловие были включены все необходимые элементы. Это формулы посвящения издания (пражским горожанам, членам пражского магистрата, крупным феодалам). Затем следовали обращение к читателю, разъяснение причин и целей данного издания, среди которых преобладали размышления о роли истории и приносимой ею пользе, анализ принципов и элементов исторического исследования и в заключении приводится характеристика тех затрат времени и средств, которые потребовались для публикации²⁶.

По мнению Велеславина, «Хроника» Э. Сильвия при всех своих достоинствах имеет, с точки зрения истинного патриота – чеха, существенные недостатки. Велеславин считает необходимым выступить с защитой своих соотечественников против некоторых обвинений, возводимых на них в хронике. «Никто не вправе приписывать чехам негостеприимство, грубость и дикие нравы, разве только те, кто их не знает: те же, кто хорошо знает, воздает хвалу их дружбе, любезности, доброте, приветливости и другим благородным чертам. Можно сказать, что излишней любезностью и добротой они вредят сами себе. Чехия вообще и Прага в частности принимают чужеземцев как едва ли где-либо встречают чехов. Давно уже вошло в пословицу, что Прага есть приют всей империи»²⁷.

Далее Велеславин решительно восстает против обвинения Э. Сильвием Карла IV в чрезмерной заботливости о славе Чешского королевства и в пренебрежении интересами всей Священной Римской империи²⁸. Он защищает и сына Карла – Вацлава от обвинения в жестокости, лености и распутстве, ибо убежден, что мнение о нем Сильвия и немецких хронистов несправедливо²⁹.

Велеславин, вслед за Цицероном, считает, что хороший историк должен обладать тремя добродетелями: «одной, чтобы ничего несправедливого (не истинного) и ложного писать не смел; второй, чтобы правду, как она есть, писать не стыдился; третьей, чтобы никаким способом в подозрение не вдавался, чтобы, пожалуй, к одной стороне больше чем к другой благоволил или чтобы к одной больше, а к другой меньше испытывал любовь и желание»³⁰.

Это предисловие рисует нам личность Велеславина как человека, горячо любящего свою родину и отстаивающего принцип объективности в познании исторического прошлого. Тенденциозное отношение к истории Чехии издатель объясняет религиозными убеждениями Энея Сильвия, главным образом тем, что чехи благодаря учению Яна Гуса вышли из повиновения Римско-католической церкви и во времена Энея Сильвия оказывали наибольшее непослушание. Когда же после Базельского собора Э. Сильвий посетил Чехию, ему пришлось вести с чехами богословские споры и

диспуты. Все это, по мнению типографа, неблагоприятно отразилось на взглядах автора «Истории Чехии». Интересен тот факт, что переведенная и изданная Даниелем Адамом хроника Сильвия была осуждена иезуитом Антонином Кониашем в XVII в. за проявленные в ней симпатии к чехам, и ее издания подлежали сожжению³¹.

На этом примере мы видим, как Велеславин, издатель и переводчик, превращается в историка, при освещении некоторых вопросов он выступает как оригинальный исследователь. Само же переведенное историческое произведение превращается порой в совершенно новое произведение. Оно становится понятным большому кругу читателей, а сам издатель выступает в роли популяризатора исторических знаний. Выдающееся значение Даниэля Адама в разработке жанра исторического размышления нашло выражение в предисловиях типографа. В них автор встает на защиту исторической достоверности при написании исторического сочинения и обязательной доступности произведения широкому слою читающей публики посредством перевода его на родной язык.

Таким образом, мы можем говорить, о том, что книгопечатание в Чехии не только пропагандировало идеи гуманизма. Издавая сочинения его выдающихся представителей, чешские издатели в определенной мере пытались переосмыслить и развить их идеи.

Примечания

- 1 См.: Мочалова В. В. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 1. От истоков до середины XVIII в. М., 1997. С. 617.
- 2 См.: Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. I. Prvotisky. (do r. 1500). Praha, 1925; Díl. II. Tisků z let 1501–1800. Č. I–IX. Praha, 1939–1967. Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Dodatku. Díl. II. Tisků z let 1501–1800. Č. III. Praha, 1996. Knihopis. Č. 10. (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).
- 3 См.: Knihopis. Č. 1190.
- 4 Ibid. Č. 1191.
- 5 Ibid. Č. 1195.
- 6 См.: Horák F. Pět století českého knihtisku. Praha, 1968. S. 50; Bohatčova M. et al. Česka kniha v pomenah a dnes. Praha, 1990. S. 193. Латинское название трактата «De remediis utriusque fortunae». На русский язык это популярное в XIV–XVII вв. произведение знаменитого итальянского поэта и гуманиста полностью не переведено до сих пор.
- 7 См.: Bohatčova M. Op. cit. S. 329.
- 8 Ibid. S. 51–52.
- 9 См.: Tobolka Z. Český knihtiskár Mikuláš Konač z Hodiškov. Praha, 1927.
- 10 См.: Knihopis. Č. 1190.

- ¹¹ См.: Knihopis. Č. 1191.
¹² Ibid. Č. 13884; Bohatčova M. Op. cit. S. 177. До этого существовал перевод хроники, выполненный Яном Гуской, но только в рукописном варианте.
¹³ Цит по: Мочалова В. В. Указ. соч. С. 652.
¹⁴ Horák F. Op. cit. S. 304–305.
¹⁵ См.: Kopecký M. Uvod // Kopecký M. Daniel Adam z Veleslavina. Praha, 1962. S. 10–11.
¹⁶ См.: Мыльников А. С. Чешская книга. Очерки истории. М., 1971. С. 68.
¹⁷ См.: Knihopis. Č. 5475, 5476, 5478, 5479, 5482 (издания 1562, 1564, 1570, 1572, 1580 гг.).
¹⁸ См.: Bohatčova M. Op. cit. S. 216.
¹⁹ См.: Knihopis. Č. 2356, 2357.
²⁰ Ibid. Č. 13885. Dějiny české literatury. Díl. I. Starší české literatura. Praha, 1959. S. 343–344. Нам оно интересно тем, что одной из хроник было сочинение итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини «История Чехии».
²¹ Цит. по: Kopecký M. Op. cit. S. 28.
²² Ibid. S. 28.
²³ Ibid. S. 28–29.
²⁴ Ibid. S. 29.
²⁵ См.: Veleslavin D. A. Z předmluvy ke Kronikam dvema z r. 1585 // Kopecký M. Op. cit. S. 113–130.
²⁶ См.: Глазкова М. А. Развитие чешской историографии в XVI–первой четверти XVII вв. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 137.
²⁷ Цит. по: Францев В. А. Даниил Адам Велеславина «Архитипограф пражский» // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCCXXVII. 1900. № 1. С. 325.
²⁸ См.: Z předmluvy ke Kronikam dvema z r. 1585 // Kopecký M. Op. cit. S. 118–119.
²⁹ Ibid. S. 120–121.
³⁰ Ibid. S. 117.
³¹ См.: Мочалова В. В. Указ. соч. С. 638.

УДК 070(560)|18|+929Блаю

«LE COURRIER DE SMYRNE»: ИЗ ИСТОРИИ АНТИРУССКОЙ ПРОПАГАНДЫ В ТУРЦИИ В КОНЦЕ 1820-х годов

А. В. Гладышев

Саратовский государственный университет,
E-mail: Gladav2002@mail.ru

В статье рассматривается один из эпизодов истории становления в Турции периодической печати – история первых шагов франкоязычной газеты «Le Courier de Smyrne», издававшейся начиная с 1828 г. французским подданным, проживавшим в Смирне, Александром Блакю. Рассматривается один из ярчайших эпизодов информационной войны на стороне Турции на завершающем этапе войны греков за независимость.

Ключевые слова: история Турции, история Смирны, история прессы, французские газеты, «Courier de Smyrne», А. Блакю, Русско-турецкая война, взятие Варны, русофобия.

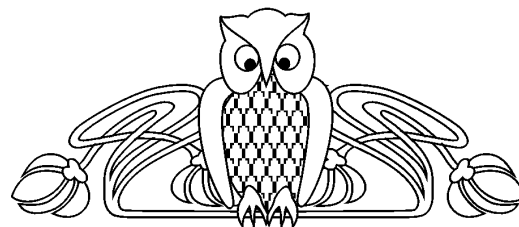
«Courier de Smyrne»: from the History of the Anti-Russian Propaganda in Turkey at the End of the 1820s

A. V. Gladishev

The article is devoted to one of the episodes in the history of the development of Turkey periodicals – history of the first steps of the francophone newspaper «Le Courier de Smyrne». It was published since 1828, by the French citizen who lived in Smyrna, Alexander Blacque. The article describes one of the brightest episodes of the information war on the Turkish side at the final stage of the war of Greek independence.

Key words: Turkish history, history of Smyrna, history of periodicals, French newspapers, «Le Courier de Smyrne», A. Blacque, Russian-Turkish war, capture of Varna, Russophobia.

Еще в конце XVIII в. в Константинополе последовательно выходило 3 французских газеты:

«Bulletin de Nouvelles» (сентябрь 1795 – март 1796); «Gazette française de Constantinople» (сентябрь 1796 – май 1797); «Mercure Oriental» (май 1797 – июль 1797)¹. Эти первые газеты в Османской империи – феномен, порожденный революцией, средство пропаганды новых республиканских идей. Рассчитаны они были в первую очередь не на турок, а на французских граждан, проживающих в Леванте, но объективно способствовали распространению французского языка в Турции, расширению франкофонной общности и росту французского влияния среди населения².

Как отмечают авторы современного обобщающего издания по истории франкоязычной прессы в Турции, осуществленного по инициативе Французского института анатолийских исследований Стамбула и Ассоциации по развитию турецких исследований Парижа, К. Гро и Т. Чаглар, должно было пройти еще 30 лет, чтобы в Турции появилась французская газета, выходившая действительно регулярно³. «Второй этап» в истории развития прессы в Турции характеризуется появлением в Турции того, что собственно и можно назвать *прессой* в современном смысле слова. Этот большой этап начинается в 1821 г. не в Константинополе, а в Смирне, и (в отличие от первого этапа) разрывов в истории развития прессы в Турции больше не будет.